

Расшифровка интервью

Дата: 27.03.2018

00:00:05

Эльвира Семеновна, расскажите, пожалуйста, про вашего папу, из какой он был семьи.

Вот папа был из семьи, ну как бы вам сказать, это город Себеж, и там большие были снабжение и торговля зерном. Вот его мама была из очень знатной семьи, но ее дядя проиграл их имение в карты, и поэтому ее отдали за простого человека, который был официально охотник. Он был не просто крепостной, а охотник. Вот у них была семья, и они жили без фамилии, потому что у него было как бы... как это называлось-то... крепостные. А потом, было когда освобождение, они жили недалеко от станции, которая называется Идрица, и когда их освободили от крепостного права, то у них фамилии не было, им дали фамилию той полячки, которой принадлежала земля, на которой они проживали. Поэтому получилась фамилия Василевский, и Василевские никогда никакого отношения к полякам не имели. Просто была такая фамилия, и всё. Давали вот округ, около станции Идрица, там все, кто получил свободу, они все были как польские фамилии, поэтому они были все разунничтожены и высланы или расстреляны в 1937 году. Так же мой папа, он был, учился в военном училище и был кавалеристом, так как он как-то познакомился с моей мамой, она была дочкой из очень знатной семьи, и она играла на рояле, и она как-то выступала, они познакомились и поженились. Таким образом у них образовалась семья, потом произошла революция, папа как был кавалеристом, он стал служить на границе. А дедушка жил на границе, у него там был дом и земля, и там они с папой занимались еще... Папа служил на границе, а он помогал дедушке в разведении коней, они были такие конные специалисты. И я помню, что с самого раннего детства я тоже была причастна ко всякому роду коней, вообще такая у нас была конская семья. А потом папу перевели в Псков, в управление... погрануправление, а потом перевели в Ленинград, и в двадцать... каком... Мне было три года, 1925 года рождения, и в 1928 году мы переехали в Ленинград, Кирочная, 3, квартира 24, где мы там... Там дали папе жилплощадь большую, и прямо с вещами дали эту квартиру, папа устроился, продолжал работать в погрануправлении, а потом он поступил на курсы этих самых... Ну, как, а?

00:05:03

Экономистов.

Да, вот, экономистов, и когда кончил курсы, он стал работать начальником отдела экономического, или как оно там называлось, я уже точно не помню, на заводе «Двигатель». И в 1937 году его арестовали, и по слухам как, человек, который его допрашивал, значит, он ему объявил, что он поляк. Папа сказал, что никакого отношения к полякам не имеет, что у него должны быть сведения, что фамилия произошла из-за совсем других вещей, это не родная фамилия, а когда давали фамилии крепостным, то за компанию всему этому району, около Идрицы, такая станция Идрица, недалеко от Себежа, и там всем дали эту фамилию, и так у него осталась фамилия Василевский, хотя никакого отношения к полякам он не имел. «Ну иди», — сказал этот самый, следовательно, который его допрашивал. Когда он пошел, он выстрелил ему в спину, и всё. А нам сказали, что он выслан на 10 лет без права переписки, а маму потом выслали в Казахстан, и мы остались с тетей, а потом началась война, и меня просто... Я в школе была так очень энергичная, была такая комсомолка, и меня взяли сопровождать детей в эвакуацию, а сестру мою, Светлану, уже перед этим в 189-й школе отправили в эвакуацию, это было прямо на самую точку наступления немцев, нас всех отправили, в Дзержинский район. Мне удалось сестренку найти, привезти в мою школу, но нас уже эвакуировали, вот так мы ехали, горели села, уже немцы всюю наступали, нас эвакуировали сначала на Валдай, а потом повезли на вот таких вагонах, в которых возят всякие разные... Ну, как они называются... Как они называются?

00:07:58

Теплушки?

У меня вылетело...

00:08:00

Теплушки.

А? Что ты говоришь?

00:08:03

Теплушки.

Да, теплушки. Вот в этих теплушках нас привезли в Кировскую область и привезли в... Деревня была Колосово, но так как мы уже учились в девятом классе, нас потом перевели, Новотроицкое было такое большое село, мы там стали учиться, должны были учиться уже в девятом классе или в восьмом. А потом мы еще летом, еще не начиная учебу, переехали к маме в Казахстан. Ну там начались наши всякие разные очень плохие приключения, в результате чего мы похоронили маму. А мама перед этим, когда ей уже врачи сказали, что у нее очень плохо со здоровьем, она нашла одну свою приятельницу, которая тоже была выслана в 1937 году с Украины, где у нее был сын, какой-то главный инженер какой-то шахты. Это всё было занято немцами. И мама, когда ей врач сказал, что у нее очень плохо со здоровьем и что она долго не протянет, она пришла к этой женщине и сказала, что она скоро умрет и чтобы эта женщина нас как-то присмотрела. И она нас, когда мама умерла, она очень быстро после этого умерла, и она нас забрала к себе, и мы жили с ней долго. Потом, когда мы уже уехали в Ленинград, ну там это была целая история, как мы уехали в Ленинград. И мы с ней очень долго, когда она уже кончилась, война, и мы с ней переписывались, и она к нам приезжала в Ленинград в гости. А потом, по-видимому, она умерла, она принесла, привезла нам целую кучу подарков, поэтому, наверное, она знала, что уже она в следующий раз не приедет, в общем, мы с ней очень хорошо провели эти дни, когда она была у нас в гостях. И действительно, когда она туда приехала, к себе домой, она очень быстро умерла.

00:10:43

Эльвира Семеновна, давайте еще сейчас вернемся в 1937 год, расскажите, пожалуйста, ваш папа ожидал, что его могут арестовать?

А тогда все ожидали на всех военных заводах, он же на военном заводе работал начальником этого, как его называется, отдела, где зарплаты все вот эти вот. Он последнее, вообще, последнее время, он очень был настороженный, потому что кругом всех сажали и расстреливали. Он, конечно, никому из родных не говорил. Но он двоюродной сестре только, потому что она тоже работала на этом же заводе, он сказал ей, что «если меня расстреляют, то ты, значит, присмотри за девочками, потому что маму могут выслать». Так и произошло. Папу сказали, что, значит, без права переписки он выслан в дальние лагеря, а на самом деле потом выяснилось, что человек, который его допрашивал, он ему сказал: «Ты поляк?» Он сказал: «Нет, я не поляк. Вы можете официально узнать, как нам дали эту фамилию, потому что у нас наши родные были отцы крепостных, и у них не было фамилии, им всем это всё известно. На станции Идрица недалеко от Себежа, потому что не знали, что делать с фамилиями, и присвоили фамилию Василевский всем, кто там жил. Так что никакого отношения к полякам я не имею, я чисто русский человек». Он говорит: «Ну хорошо, иди в эту дверь». Он пошел в эту дверь, этот ему в спину стрельнул и застрелил. А потом сказали, что он выслан без права переписки, и только когда посмертно его реабилитировали за отсутствием состава преступления, сказали, что его расстреляли как поляка. Ну вот, а маму выслали еще перед этим, потому что, значит, когда...

00:13:18

После этого.

Ну да, ну папа... Когда папу арестовали, маму посадили в тюрьму, а потом их повезли в Казахстан, и там их расселяли по всему Казахстану.

00:13:35

А сколько вам было лет, когда папу арестовали?

Ну в 1937 году сколько мне было? Минус 25.

00:13:43

12

12 лет. Значит, в 12 лет я уже бегала по всем тюрьмам, разыскивала маму, потому что папу сначала сказали, в Большом доме сказали, когда его застрелили в спину, это потом уже выяснилось, когда его посмертно реабилитировали. Там смотрели бумаги и восстановили, что он был застрелен во время допроса и допрашивающий его человек выстрелил ему в спину.

00:14:25

А каким вам папа запомнился?

Папа нам запомнился очень любящим, добрым и хорошим. Он очень-очень много уделял нам времени, он сам хорошо рисовал, нас учил рисовать, водил нас по музеям. Очень, мы очень много ходили в Русский музей, в Эрмитаж. В общем, короче говоря, очень много занимался нашим [воспитанием], мы его очень любили, и он очень много уделял нам, нашему воспитанию, так же, как и мама. Ну, мама, в общем, болела, у нее был ревматизм, и она часто лежала в постели, потому что у нее болели руки и ноги, ее лечили, и больше всего, больше с нами занимался папа. Когда мы переезжали на дачу у нас, он всегда снимал — так как он был... военный завод, ему можно было оформить пропуск, — и мы всегда жили у финнов. Это было за Ораниенбаумом, там есть такая станция Дубки [Дубочки], и он всё время снимал дачу у одних и тех же финнов в Дубках. Дача была очень удобная и с большим садом, и он там разводил цветы, он очень любил разводить цветы. У нас были такие шикарные клумбы, что все, кто приходил, засматривались на эти клумбы. Ну, естественно, когда он умер, то есть его застрелили, маму выслали, то уже никто там этими не занимался. Тетя взяла нас к себе, она как бы оформила над нами, как оно называется...

00:16:25

Опекунство?

Опекунство. Тетя была много старше мамы, она, по-моему, на 12 лет старше была. И она взяла над нами опекунство. Мы жили в одной квартире. Она взяла нашу большую комнату, остальные комнаты, там поселили других девочек, у которых... которые были настоящие полячки и родители были расстреляны. А потом мы учились с сестренкой до войны. Я со страшной силой занималась всякими деятельностью в школе, в школе училась, 4-я школа, которая прямо фасадом выходит на Восстания и Кировскую. Потом меня здесь нашли, и когда был юбилей, я в этом юбилее участвовала. Ну вот, была у нас школа очень хорошая, у нас была прекрасная учительница литературы, и вообще была очень хорошая школа. Математика была прекрасная, очень хорошая была ботаника. И потом, когда мы... А я, значит, когда началась война, я бегала в яхт-клуб. Бегала, любила, но меня еще не брали туда, потому что мне не было достаточно лет, а там все эти самые, кто ходил на яхтах и швертботах, брали этих ребят, которые вот уже скоро придут, ну, как бы на такую стажировку. И в самый первый год, когда началась война, я как раз безвылазно почти проводила летнее время в этой самой... яхт-клубе. И как-то в воскресенье мы куда... А, когда мы пришли с этой компанией, с которой я плавала на этой яхте, на швертботе, и мы пошли в залив, а потом, уже не было ни яхт, ни швертботов, пошли просто на шлюпке. А потом видим: вдруг все повернули обратно в яхт-клуб. Ну ладненько, пойдем, возьмем яхту или швертбот, пойдем в залив. Подходим, когда мы уже к этому, к [нрзб], нам кричат, что началась война. Такая жуть, напала страшная жуть. И я стала бегать с тем, чтобы приносить пользу. Но меня еще никуда, ни на какие окопные работы не брали, а посылали на городские работы, где мы обыкновенно приходили, целый день мы ожидали, когда нам привезут какие-нибудь лопаты, а потом расходились домой. Мне всё это надоело, я пошла в школу, с тем чтобы устроиться на какие-нибудь полезные работы. И когда я пришла в школу, они сказали: «Вот как хорошо, что вы пришли, быстренько сегодня собирайтесь, и завтра с утра поедете сопровождать эвакуацию наших детей младших классов». Ну, я побежала, что-то накрутила какие-то вещи, и тоже хорошо помню, что обязательно взяла пальто зимнее, что мне очень помогло. Ну, в общем, утром я прибежала, нас посадили в такие... Ну, такие вот пригородные вагоны, и сказали, чтобы — нам там три скамейки — чтобы мы смотрели за порядком. Доехали до Старой Руссы, и тут нас бомбили. А перед этим разбомбили состав детский в самой Старой Руссе. Нет дальше, чем Старая Русса. Там сейчас памятник стоит этим детям. Ну, вот в общем, мы, короче говоря, дальше поехали в эту Старорусскую область, потом нас повезли в Кировский район, потому что здесь начали наступать немцы, мы так вот ехали, вот так горели деревни, и нас так до Валдая везли в машинах, напиханных как сельди в бочке. Там нас погрузили в товарные вагоны и отправили в Кировскую область. Там мы с сестренкой прожили зиму, а летом уехали в Казахстан к маме.

00:22:00

С сестренкой вы дружно жили?

Да, мы были очень дружные с сестренкой. Я ее была старшая, и она была очень умелая, умная и сплошная отличница. Ну и, в общем, потом мы поехали в Кировскую область. Туда мы приехали осенью, а следующую осень мы уехали к маме в Казахстан, где маме надоело жить в этой самой жуткой глуши, где она жила, где она работала и жила в районной больнице казахской.

00:22:44

А мама кто по образованию?

А у мамы не было специального образования, она кончила гимназию и еще школу, или я не

помню что, по пианино.

00:23:02

Эльвира Семеновна, а родители обсуждали какие-то политические взгляды...

Нет, боже сохрани.

00:23:07

Дома вот такого не было?

Нет, дома такого не было. Потому что раз папа работал на военном заводе, он больше всего боялся разговоров на тему каких-нибудь политик, он терпеть не мог никаких политик, никаких разговоров, там о войне, абсолютно никаких разговоров.

00:23:29

А вот в 1937-м ваших соседей или знакомых кого-то арестовывали уже или нет?

Да, уже арестовывали, потому что когда папа приезжал на дачу, он с взрослыми объяснял, что ужасно, половина уже завода арестованы и расстреляны. И он уже ожидал, что его, поскольку он был начальником отдела зарплаты, как оно там еще называется, в общем, короче говоря, он кончил финансовое образование, получил, потому что он был военный, у него было военное образование, а он уже работал начальником отдела финансово-экономического. Ну, и он заочно кончил институт и стал уже работать начальником этого отдела. Ну, и тут началась война.

00:24:28

А вот расскажите еще, пожалуйста, как папин арест проходил?

Папин арест, я не знаю, как проходил, потому что мы жили на даче. И потом приехала мама, и она сначала говорила, что папа уехал в командировку, потому что она думала, что его выпустят. А потом она... Мы были с тетей на даче. Мы всегда на одну дачу ездили в Дубки и к одним финнам. Там у нас были клумбы, нам сдавали садик, огородик. Ну, и в общем, тетя стала тут ухаживать за этими садиками. Мы поняли, что уже папы нету. И маму, как мы только приехали в Ленинград, пошли в школу, приехали ночью, переворошили всю нашу квартиру и увезли маму. После этого тетя очень боялась своих... моих двоюродных сестер, которые были уже взрослые люди. Тетя была на 12 лет старше мамы. Они происходили из Орловской очень богатой знатной семьи. Она и так дрожала за то, что ее посадят, что она дворянка. И она посылала меня. Так что я за это время, пока разыскивала, где моя мама, я познакомилась со всякими тюрьмами Ленинграда, потому что надо было с ночи занимать очередь, чтобы попасть в отдел этот, который занимался выдачей. Ну, там давали, что есть или нет этот человек в этой тюрьме. Ну, значит, я с ночи приходила, стояла до утра. Утром я туда попадала, мне говорили, что «вашей мамы здесь нет». Я, в общем, обошла все тюрьмы и никак не могла маму найти. А мама потом рассказывала, что когда их арестовали, у них тюрьма была заполнена так, что днем они вот так сидели, а ночью они ложились как селедки в бочке. Когда в туалет эти, надо было переступать через людей. Ну, потом их погрузили в теплушки и стали... Повезли в Казахстан и отцепляли по вагону. И мама оказалась в Чимкентском районе, где...

00:27:19

Простите, да...

Что-что, когда умерла?

00:27:23

Нет, при маминном аресте вы присутствовали?

Да, конечно, потому что они переворошили весь наш дом, наши кровати, бросали всё вот так. Мы сидели, плакали горькими слезами, мама рыдала, и они ее увели. И мы потом стали ее разыскивать. А так как тетя очень боялась, что ее старшую дочку — она уже была очень взрослый человек и тоже работала на этом заводе «Двигатель», — и она боялась, чтобы она не ходила. Я ходила по тюрьмам, ее искала, так и не нашла. И в день моего рождения пришла вот такая маленькая записочка, что «меня сегодня увозят в Казахстан. Там я буду...» Этот поезд, который состоял из этих самых... Ну как они назывались? Такие вагоны не для перевозки людей, а для того, чтобы перевозить всякий... Ну, господи, вылетело из головы. Товарные. Товарные вагоны. И мы поискали, обошли все эти вокзалы и маму не нашли. Потом уже через несколько времени, по-моему через месяц или через полтора, на день рождения я получила

письмо, что мама находится в Чимкентской области, район, адрес, и что она устроилась в больницу заведующей аптекой. Такая была районная больница, и мы туда к ней перебрались, и тут начались все наши беды и несчастья.

00:29:26

А мама каким образом эту записку, как ей удалось ее передать вам?

Какую записку?

00:29:33

Ну вот на ваш день рождения...

А нет, я ничего не знаю, она никогда ничего не говорила, как она... Потому что это было, наверное, как-то очень через... Кто-то, кто пришел к своему родственнику, а этот родственник собрал записки, и это была тайна, конечно, что какие у них были адреса, ее родственники все разнесли эти записки, чтобы они знали, что с их родственниками, мамами. Их там собрали, а наша соседка умерла. У нас еще были соседи, настоящие поляки, и вот мама оказалась в одной тюрьме, где они вот так, как селедки, спали. Если ночью надо было пойти, надо было переступать через людей. А дальше они так же поместились в товарные вагоны, и потом стали их везти в Южный Казахстан. А там в поезде болели люди, и вот это мама этих девочек, которые жили в нашей квартире, наши комнаты отдали этим девочкам-полячкам. Мама умерла, они остались одни.

00:30:53

Когда маму арестовывали, кто присутствовал при аресте?

Тетя, мамина родная сестра, мы жили так вместе, и племянница, и мы. И они нам перерыли всю квартиру вот так.

00:31:10

А что они искали?

А кто их знает? Им, по-моему, просто доставляло удовольствие переворачивать это всё. А чего они могли у нас найти? Ничего не могли найти, потому что ничего и не могло быть.

00:31:27

А какие-то документы или фотографии, что-то изъято было у вас, нет, при обыске? При аресте мамы? Что-то они с собой забрали, какие-то?..

Они забрали, по-моему, какие деньги нашли, они всё забрали. Все деньги, какие были. Ну, были какие-то деньги, которыми пользовались, они все эти деньги забрали. Это потом уже взрослые обсуждали между собой тихо, так, чтобы мы не слышали, но мы слышали всё равно, что деньги все, какие нашли в доме деньги, эти кагэбэшники все эти деньги забрали.

00:32:07

А фотографии не тронули, да?

А фотографии, я не знаю, тронули они или нет. Мы не знаем, потому что они рыли, они перерыли вот так весь дом.

00:32:19

А понятые присутствовали, нет?

Нет, конечно, какие там понятые? Никаких понятых там не присутствовало, потому что это была спец, это самое, КГБ.

00:32:32

А мама ожидала, что ее тоже могут арестовать?

Да, конечно, потому что кругом все жены сидели.

00:32:40

А нельзя было куда-то уехать, спрятаться?

Нет, нет, это было совершенно невозможно. Там бы всё равно нашли. А там тем более, что вот у нас были родственники в Себеже, и там уже всю была граница с поляками, и там уже всю шли аресты. Там все наши родственники сидели, мужчины. В общем, это был кошмар. Это был такой кошмар! Я говорю, я никогда не забуду, как я вечером шла в какую-нибудь очередную тюрьму, когда маму искала, всю ночь там стояла, потому что двоюродная сестра, не разрешала тетя идти, потому что говорила, что нас всех пересажаят. «Эля пускай идет и стоит, и узнает про маму». Я всю ночь стояла, потом приходила к этому окну, мне говорили: «Нет, вашей мамы здесь нет». Так я все тюрьмы обошла, я знала все адреса всех тюрем женских.

00:33:57

Так вы еще ребенком сама были, маленькая еще девочка.

Двенадцать лет мне было.

00:34:02

По сегодняшним временам это совсем маленький ребенок. Как вы себе объясняли это всё происходящее?

А все кругом объясняли, что это вот, значит, арестуют, арестуют. А чего арестовали? Потому что папу расстреляли. А почему его расстреляли? А потому что его посадили, что он был начальником планово-экономического отдела военного завода «Двигатель». Этот «Двигатель» по сей день существует.

00:34:35

Но вы тогда чувствовали какую-то несправедливость, в детстве?

Ну конечно. А как же мы не чувствовали, если он был всю жизнь военный, пограничник, а потом кончил эти планово-экономические курсы и стал начальником отдела планово-экономического завода «Двигатель». И здесь его прихватили. Мы чувствовали, потому что фамилия Василевский уже была достаточно для того, чтобы из военного завода человека посадить. А потом маму выслали. И мы остались с тетей.

00:35:14

А кто виноват был, как вы тогда считали? Кто вот в этом во всем произошедшем был виновен?

А все знали, кто виновен. Все прекрасно знали, что это всё блеф, что это людей... Вот фамилия Василевский уже была достаточно для того, чтобы человека посадили, потому что у него польская фамилия. Точно то же самое, как меня не взяли. Меня хотели очень, когда я кончала политех, меня очень хотели взять работать на этой самой кафедре, на которой я училась, и осталась со второго курса работать на этой кафедре. И так до конца работала. И все сотрудники хлопотали, чтобы меня оставили. Меня не оставили, потому что у меня... я дочка, как они назывались тогда, вредители, не вредители, а шпионы или кто-то еще. Короче говоря, я ненадежный элемент, поэтому меня не оставили, и я уехала в Мурманск. Еще несколько лет работала в Мурманске, потом обратно вернулась.

00:36:37

А какую статью? Что там понаписали папе? Какую ему дали статью?

Какую-то ерунду. Агитация против советской власти. И всё. Потом, когда была после войны реабилитация, мне прислали сначала извещение, что «ваш отец посмертно реабилитирован за отсутствием состава преступления». А потом позвонил кагэбэшник, значит, и тоже сказал: «Это вы дочка?» — «Дочка, да» — «Ваш папа реабилитирован за отсутствием состава преступления». А я сказала: «Вы знаете, мне очень хочется узнать, какое преступление он совершил. Потому что он был такой человек преданный, что я даже не могла себе представить, чтобы он чихнул против советской власти». Они сказали: «А ничего, там какая-то чепуха написана». И всё. Просто кому-то это место понадобилось, надо было его как-то уничтожить. Уничтожили.

00:37:54

А что известно про суд? Как проходил суд, когда папу судили?

Никакого суда не было.

00:38:00

Двойка?

Был его, значит, это уже рассказывал этот человек.

00:38:07

Какой человек?

Который его допрашивал. Он рассказывал, а потом он разговаривал с моей сестричкой по радио, тьфу, по этому...

00:38:32

По телефону.

По телефону. И вот сказал, что «ваш отец реабилитировал за отсутствием состава преступления». Она сказала, Светочка, сказала, что как же он, он же не совершал никакого преступления. «А что, там мало было людей, которые не совершали преступления? Вот сейчас зато их и реабилитируют за отсутствием состава преступления». — «Ну, он же уже расстрелян». — «Ну, конечно, расстрелян». Тот, кто его, значит, допрашивал и ничего не нашел, он пошел к двери, он его в спину застрелил и потом сказал, когда этим отчет давал, что он во всем признался и он враг народа. И всё. А потом только, значит, за отсутствием состава преступления он был посмертно реабилитирован.

00:39:24

А вы видели протоколы допроса?

Нет, конечно. Боже сохрани. Слава богу, что мне сказали, что он реабилитирован, потому что я этого заведения избегала всеми средствами, чтобы только мне с ними не связываться. Потому что когда маму разыскивала, я ходила по всем этим заведениям, это столько наслушалась всяких страстей, что я уже боялась туда просто пойти, зайти и узнать что-то. В общем, я это самое получила потом. Когда Сталин умер, значит, получила вот это сообщение, что мои родители оправданы за отсутствием состава преступления.

00:40:18

А когда вы в школе учились, вы были пионером?

Да, была не только пионером, я всё время была потом комсомольцем, а потом была очень большим начальством, заместителем, этого... как он назывался... секретаря, во время... в тот год, когда началась война. Потому что была у меня очень симпатичная... которая назначалась от этого, как он назывался... районное управление комсомолом, она была очень ко мне хорошо настроена, и она меня сделала своим заместителем. И, значит, когда началась война, я пришла в школу, я искала всё, чтобы мне, раз война, я должна быть где-то в окопах. Меня посылали в разные места, мы приходили, несколько человек, садились, ждали, когда нам привезут лопаты. Целый день сидели, никто ничего не привозил, и расходились. Поэтому я пошла в школу, потому что мне такой дурацкой деятельностью заниматься было неохота. Я пошла в школу, чтобы меня куда-то послали. И когда я заходила в школу, встретила свою одноклассницу, и она мне говорит: «Эля, ты завтра можешь прийти в школу? Мы повезем детей в эвакуацию. Только заведи какие-то теплые вещи, потому что мы там надолго можем застрять». Ну я там взяла пальто зимнее, что-то какую-то ерунду, а сестренка у меня уже была 189-й школой эвакуирована. Ну и я, значит, с удовольствием поехала с ними сопровождать детей, чтобы попробовать найти сестренку. Потом я ее нашла и притащила в свою школу. И в этот момент там разбомбили эшелон с детьми, и стали приезжать люди из Ленинграда забирать своих детей, потому что в Ленинграде была тишь, гладь и божья благодать, потом все они поумирали от голода. Я тоже захотела поехать в Ленинград, потому что друзья были в Ленинграде, и моя учительница литературы, которая в это время уже была директором нашей этой самой, как она называлась, ну как бы детский дом. Она мне сказала: «Ты привела свою сестричку к нам, и теперь ты не имеешь права ее бросить, и нечего тебе в Ленинград ехать, потому что там будет плохо». И таки да. Все эти дети, которые поехали и которых забрали родители, они все умерли от голода. А мы с сестричкой поехали в эвакуацию в Кировскую область, а потом оттуда поехали к маме, и началась наша страшная жизнь, когда мы жили с мамой в Манкенте, потом там мама заболела, умерла, а потом мы остались... Она когда заболела, уже пошла к врачу, ей сказали, что «дело плохо и, наверное, вы не выживете, поэтому, если у вас есть дети, как-нибудь их пристройте». И она пошла к одной своей, ну тоже высланной женщине, у которой

сын был в Харькове, и было неизвестно, что с ним. И она пришла, мама, и попросила, что «я, наверное, скоро умру, и присмотрите за моими девочками». И вскоре она умерла, мы ее похоронили. Мы на заводе работали с сестренкой, и директор мне дал какого-то дядьку и подводу, и маму зашили в простыню, похоронили ее на том кладбище, а потом приезжала когда в командировку, уже войны не было, я так и не нашла ее могилу. Хотя встретила тех девчонок, с которыми дружила, они тоже, конечно, не знали где, потому что... В эту зашили, положили мы с этим дядькой ее на телегу, отвезли, он мне вырыл могилу, ее положили мы, зарыли, и потерялась так могила мамина.

00:45:43

А вы помните, когда вы с сестрой к маме приехали в Казахстан, как вы с ней первый раз встретились?

Ну как мы встретились, можете себе представить, как встретиться с мамой, с которой мы уже сколько-то там лет не виделись? Конечно, мы были страшно рады, мама была страшно рада, но мама так ненавидела эту работу и этих людей, которые там работали, что она готова была куда угодно ехать. И мы поехали в Манкент, это под Ташкентом, такое маленькое, не село, а такой городочек маленький, мы стали работать на заводе.

00:46:30

А маме можно было свободно перемещаться?

А маме уже было можно свободно перемещаться. Мама устроилась в эту самую... где овощи перебирают. И взяла вот такую маленькую морковочку. И, значит, этот надсмотрщик прибежал, выбил эту морковку из рук у нее и сказал, что «вы уволены как воровка». И она стала на колени, стала его умолять и просить, чтобы он ее не выгонял, потому что у нее двое девочек. И он сказал: «Идите вон отсюда». Она была в таком, я даже не знаю каком, как будто ее просто убили. И она пришла и умерла на следующий день. Умерла, и всё. Не перенесла такого унижения, не перенесла такого ужаса, который она испытала в этом самом... когда ее так выгоняли. В общем, она умерла, мы ее зашили, похоронили вот на этом кладбище, которое потом я, уже когда я работала в политехе, я сюда приехала, мы там, у нас были работы, связанные с командировками, я приехала в это место, искала мамину могилу, конечно не нашла ничего.

00:48:08

А когда вы с мамой встретились вот спустя время, она сильно изменилась, когда вы с сестрой к ней приехали в Казахстан?

Да, конечно.

00:48:19

Как она выглядела внешне?

Плохо. Она плохо выглядела, она выглядела совершенно больной. Она была убита этим, этим всем она была убита. Читайте, что ее убили. Она, во-первых, когда сидела в тюрьме, это был ужас. Потому что, она говорила, вот так люди лежали в этой камере, потом их набивали чуть ли не коленом под зад в эти теплушки и потом их повезли в холодных теплушках в Казахстан. Слава богу, что она не заболела, потому что там люди, вот эти жены, мерли по дороге. И наша соседка, вот которая была настоящая полячка, она по дороге умерла.

00:49:14

А в какой тюрьме мама сидела?

А я даже не помню. Потому что непонятно было, они сами не понимали, в какой они тюрьме, потому что было столько народу, что я говорю, что когда они спали, они все в один момент должны были повернуться на другой бок. Вот как селедка в бочках. Столько было народу, можете себе представить. Тех мужчин расстреливали сразу. Вот он мог, скажем, считалось, что он делает допрос, а потом он пошел — и он ему стрелял в спину. Он потом сам вспоминал и рассказывал людям, а люди уже дальше рассказывали, что такое творилось, что когда он производил допрос, дальше он его отправлял в дальние края с помощью выстрела в спину.

00:50:21

Это кому он рассказывал?

Это он рассказывал каким-то своим друзьям, потом друзья рассказывали друзьям, а потом в

очереди рассказывали. А очереди же кругом были.

00:50:36

А в очередях были дети еще?

А?

00:50:39

Дети еще в очередях были или вы одна были?

Нет, ну вы что, там полно было детей.

00:50:45

Оставшихся тоже без родителей?

Да, да, да. Да, мы, между прочим, там, когда еще до войны я разыскивала, я, значит, познакомилась с одной девочкой, которая была меня на два года старше и которая мне сказала, что у нее отец был заместителем редактора «Известий» и его посадили, она его разыскивает. А я сказала, что я маму разыскиваю. Мы с ней познакомились, а потом после войны, у меня были знакомые, друзья, оказалось, что она жена вот этого приятеля, с которым мы учились в политехе. То есть вот Зосю мы встретили после войны уже, когда, значит, она меня обнаружила, что это я.

00:51:49

А как в вашей семье к Сталину относились?

Плохо. А кто к нему хорошо относился? Психи и идиоты. Все плохо относились, но все боялись. Если когда разговаривали, то только с общими, с близкими-преблизкими людьми, которые не могли донести совершенно точно. А так все говорили, конечно, «великий Сталин» и так далее. А уж в очередях, там никто даже не упомянул Сталина. Все дрожали, потому что в любой момент мог человек сказать: «А вот этот вот человек, он говорил плохо о Сталине». И всё, этого достаточно было, чтобы его посадили без права переписки.

00:52:42

А дома у вас говорили что-то про Сталина?

Нет, ну дома старались тоже не говорить, потому что дети были, мало ли, что ребенку взбредет в голову. Он может что-то сказать, хотя он и взрослым себя считает. Я тоже прекрасно понимала, что про Сталина нельзя говорить, потому что можно... и в таком возрасте можно залететь в лагерь и остаться в лагерях.

00:53:15

Что, и детей сажали?

Да. Ну таких детей, которым уже за 12. Сажали, конечно. Сажали кого попало и как попало. Тюремь были, но я же говорю, что мама говорит, что они вот так лежали, как селедки в бочке ночью.

00:53:36

А портреты Сталина висели у вас в школе?

Боже сохрани. А, в школе? В школе висели. В школе висели, все в школе пели осанну без конца: «Сталин, Сталин, Сталин, Сталин, Сталин». И каждый человек боялся, что вдруг он недостаточно будет славить Сталина.

00:54:02

И вам тоже приходилось петь?

А как же? А как же, всякая там... Со мной подружилось наше комсомольское начальство, и она меня воспитывала. И она мне говорила: «Смотри, тебе ничего не стоит, тебя посадят сейчас. Тебе уже 13 лет, и тебя посадят как ничто. Поэтому держи язык за зубами». Такая хорошая была очень женщина, она ко мне очень хорошо относилась и всегда говорила: «Ради бога, только смотри, не открывай рот». Так что всё, кругом ужас стоял. Ужас! Потому что сегодня

был... Это ваш сосед, а квартиры были коммунальные же в большинстве случаев, сосед был, а завтра его посадили. Вот у нас были, сначала нашего папу расстреляли, потом маму посадили, потом в эту комнату поселили двух девочек-полячек, у которых и папа, и мама были расстреляны. Так мы уже там жили с ними довольно долго.

00:55:22

А вы Сталина не видели нигде, ни на каких демонстрациях?

Боже сохрани. Нас на демонстрации не пускали. Если там была демонстрация, там же только шли все эти высокочестимые, кто какую-то должность занимал комсомольскую. Это мне даже в голову такое не приходило, что меня позовут на демонстрацию.

00:55:58

А не было такого, что кто-то дразнил вас там?

Боже сохрани, никогда в жизни. Никогда в жизни. Никогда в жизни, потому что кругом... Человек мог начать что-то говорить и назавтра сесть. И не потому что я это скажу, потому что кто-то рядом услышал. Из доносчиков.

00:56:24

А были у вас одноклассники или дети во дворе, у кого тоже родителей репрессировали?

А как же? Полно.

00:56:32

А откуда вы об этом знали?

А друг с другом разговаривали. Были у нас даже... Вот родители, значит, дедушка с бабушкой, моя тетя была знакома с дедушкой и с бабушкой моей приятельницы школьной. Они потихонечку разговаривали там что-то между собой, что и как. В общем, это был такой кошмар, ад, ад настоящий, мы жили в аду. Потому что наших взрослых, хорошо, что не всех расстреляли. Могли бы и всех. Потому что, если им давали волю, он мог любого человека просто застрелить в спину. Мог брать с него, скажем, какое-то показание, потом повернуть спиной и выстрелить в спину. И всё. И дальше: «выслан в дальние лагеря без права переписки». А потом уже, когда после смерти Сталина нам сказали, никаких дальних лагерей не было, это был расстрел.

00:57:54

А вы помните тот день, когда объявили о смерти Сталина?

Конечно.

00:58:00

Расскажите поподробнее про этот день.

А я не помню. Я не помню, я помню только, что все очень радовались и боялись при этом поделиться. Поэтому никто здесь ничего не обсуждал. Просто так. В основном тихо-то: «А, товарищ Сталин умер, как мы будем жить дальше?» Вот в таком роде. Потому что никто не знал, что будет дальше. Все боялись, в ужасе, боялись, что начнется еще худшее. Потому что они там между собой будут делить места и тот, кто будет выгнан, тот будет враг. Так что у вас мог оказаться ваш близкий друг врагом, мы все боялись. Это было чудовищное, ужасное время. Даже, вы даже не можете себе представить, когда мы дрожали буквально каждый день, если мы были живы-здоровы, нас никуда не забрали. Потому что дальше забирали и исчезали, как мама. Исчезла, я ее, искала по всему городу, по всем тюрьмам. Нигде не нашла. С ночи занимала очередь в тюрьму. Что мне было, 12 лет, а тетя боялась и не разрешала дочке ходить, потому что «тебя посадят, а что мы будем делать?».

00:59:38

И она вас провожала до моста?

Она меня провожала до середины моста. И дальше я шла сама в Кресты, когда стояла в Крестах. А в Крестах я стояла всю ночь. И там мне сказали: «Нет у нас такой, всё». Я искала, искала, пока не получила вот такую маленькую записочку, что «Элечка, нас высылают в

Южный Казахстан. Повезут нас в теплушках, принеси, — там было сказано, куда принести, какие-то вещи передать, — мы поедem, нас завтра повезут». Мы понесли эти вещи, я не помню, передали или не передали. Но во всяком случае маму мы не видели. И не видели ее до тех пор, пока мы не приехали в Казахстан, когда уже их освободили, уже Сталин, Сталин умер тогда, по-моему, потому что их освободили и реабилитировали.

01:00:51

А сколько лет вы в Казахстане тогда с мамой прожили, с сестрой?

А мы с мамой прожили, по-моему, немного, потому что потом она умерла. Когда она пошла к врачу, ей сказали, врач сказал, что «вы недолго проживете, если у вас дети или что, постарайтесь всех пристроить». Она пошла к своей приятельнице и сказала, что «я скоро умру, присмотрите за моими девочками». И она действительно скоро умерла. Мы ее зашили в простынку. Директор этого завода, где мы работали, дал нам возчика с лопатой, и мы свезли ее на кладбище, этот дядька закопал нам маму, и потом, сколько я ни искала, могилы никак не нашла.

01:01:53

Но всё-таки несколько лет вы с мамой, вам удалось с мамой прожить?

Да, да, да.

01:01:58

Года два, не больше.

01:02:00

Года два, да?

Потому что они вернулись в 1944-м обратно, еще война была.

01:02:07

А мама, она к тому моменту еще не знала, да, что папа умер?

Нет, они догадывались все. Они все, кто жены, догадывались, что мужей расстреляли.

01:02:24

А что там за люди были, которые с мамой жили?

Интеллигентные люди. Притом большие посты их мужья занимали. Большие были специалисты. Всех специалистов вычистили, и на их место вся эта дрянь залезла. Там же были высококлассные специалисты. И всё. Главных инженеров, инженеров по специальностям, вот этот наш завод «Двигатель», там почти, наверное, две трети сидело. Всех, кому угодно. Каждый пытался как-то донести на другого. Человек боялся рот открыть. Даже могли не открывать рот, а на вас могли написать, что вы рассказывали антисоветские анекдоты. А так как все знали, что антисоветские анекдоты знает даже новорожденный ребенок, то они сразу же сажали.

01:03:42

А как быт был организован в ссылке у мамы? Как они жили?

Ужасно. Вот так спали в этой тюрьме. Вот спали как селедки в бочки.

01:03:56

А в ссылке не полегче было?

А?

01:03:59

В Казахстане не полегче было? Там, наверное, уже дома были.

Нет, ну в Казахстане, конечно, полегче было, потому что их определили в определенный район. Там была больница. Она могла устроиться в эту больницу. Она устроилась там заведующей

аптекой. И там всё время работала. И мы к ней приехали, а потом ей эта вся жизнь надоела, и мы сдуру переехали в Манкент, где нас достал этот ужасный голод.

01:04:43

А чем питались во время войны? Что ели во время войны?

Во время войны — это только если мы покупали какие-то эти самые... Ну, зерна или муку на что-нибудь, что еще у нас осталось менять. Ой, даже страшно вспомнить, потому что мы с сестричкой работали на заводе, и мы только что оттуда приносили маме покушать. Там совершенный голод был. Там в этом Манкенте был страшный голод. Мы совершенно зря уехали из Казахстана, потому что там мы жили за счет всё-таки этой больницы. Нам давали обед и ужин. И мы числились как бы их нахлебниками. Нас кормили как эвакуированных.

01:05:47

А что вы делали с сестренкой? Кем работали? В чем ваша работа заключалась?

А мы, когда мы приехали к маме, там у нас никакой работы не было. Мы только как бы убирали в аптеке. Я не знаю, как, это числилось за работу или не числилось. А потом где-то я поехала. Поехала я... Там был совхоз имени Сталина. И там было много маминых знакомых, бывших ссыльных, но освобожденных. И была одна заведующая больницей. Я поехала туда устраиваться на работу. А там, значит, когда я переходила в речку Боралдай, у меня уплыл туфель один. В общем, я пришла в эту больницу совершенно убитая, что я осталась... Это всё равно, что голой остаться было. И они мне, значит, какие-то тапки привязали к ногам. И вот я в этих тапках ходила до тех пор, пока я не стала работать на комбайне. Потом уже, когда я стала работать на комбайне, мне главный инженер какие-то выдал тапки. Всё лето я работала на комбайне. Да, всё лето работала на комбайне.

01:07:22

На комбайне кем?

Комбайнером, конечно. Комбайнер настоящий был, как я думала, старенький дяденька. Ему было 50 лет. А мне соответственно сколько там было? Я, значит, работала комбайнером, он ко мне хорошо относился. «Деточка», говорил. Когда ломался комбайн, нас отцепляли, и второй комбайн делал круг, и хотелось очень пить, он делал трубочку, вставлял в двигатель.

01:08:06

Радиатор.

01:08:07

В радиатор. И мы с ним пили эту воду, пока не приедут, нас не отцепят. Потом нас отцепляли, мы в двух местах набирали воды, потом делали опять остановку, следующий комбайн шел. В общем, такая жизнь была, будь здоров. И так я на комбайне работала.

01:08:32

Сложно было освоить комбайн? Девчонке молодой?

Нет. Там лишь бы косила правильно. Ну, я не знаю, я же хорошо видела, хорошо слышала. Была довольно сильной. Я же была спортсменкой всё-таки как-никак. Такая не какая-нибудь там спортсменка, там никаких у меня особо заслуг не было, но я всё время спортом занималась в детстве и в отрочестве.

01:09:07

А каким спортом занимались?

А?

01:09:09

Каким занимались спортом?

Бегала, гимнастикой занималась. Во Дворце пионеров я ходила в кружок гимнастический, там занималась гимнастикой. Во Дворце пионеров, я очень много во Дворце пионеров, где

работала, еще там какие-то были кружки, я уже сейчас не помню. Я была очень активная девушка. Я не сидела дома. Всё время что-то делала.

01:09:44

И жизнелюбивая, судя по всему.

А?

01:09:47

И жизнелюбивая, да?

Да. Потом я еще пела. Я еще выступала с песнями.

01:09:56

А что пели?

А советские песни, естественно.

01:10:00

Про Сталина тоже пели?

Нет. Просто советские песни, пионерские, комсомольские. Потом я еще какие-то песни пела русские.

01:10:15

Ну мне казалось, что все песни того времени комсомольские и пионерские, они все как раз прославляли Сталина, нет?

Нет.

01:10:24

Не все?

Нет, они, во-первых, они не все были. А те, которые были, так мы знали, что это надо. Если мы не будем про них петь, нам не разрешат петь.

01:10:38

А вы винили Сталина? Вы винили фигуру Сталина в том, что произошло с вашими родителями?

Конечно. Но это уже было после. Тогда боялись даже подумать.

01:10:55

Вот некоторые, с кем мы общаемся, говорят, что Сталин ни в чем не виноват. Он сам не знал о том, что происходит и...

Ну да. Ха!

01:11:05

Вы так не думали?

Когда кругом его всех посадили и расстреляли. А во-вторых, у меня папа всё-таки в этих органах работал. Там всех перестреляли. По его приказанию. Что там работает много поляков. Поляками считаются все люди, у которых фамилия на «-ский». Ну и всё. Василевская — значит полячка. «Да я не полячка». — «Нет, полячка». Всё, вон. И всё.

01:11:40

Сейчас даже не представляю, каково это — по национальному признаку просто истреблять людей.

Ну а как?

01:11:48

Ну это в голове вообще не укладывается.

А тогда это укладывалось. Поляки — это враги. Всех поляков надо истребить.

01:11:58

А у вас были друзья поляки? Девочки, знакомые?

Ну конечно, были. У нас соседи были поляки. И мы с ними дружили. Мы же знали, что это всё это. Или что это... Это кошмар советский.

01:12:14

Вы не опасались с ними дружить?

Нет, немножко опасались, конечно. Они немножко опасались. Но мы всё равно дружили. Мы еще на Кирочной жили тогда. Потом мы с Кирочной уже уехали. А потом, когда мы приходили, мы всегда их навещали.

01:12:38

Эльвира Семеновна, а где вы силы брали? Что вам помогало выживать?

Ну не знаю. Я еще тогда молилась Богу. Потому что тетя была очень религиозная. И я всё-таки ходила в церковь, исполняла всякие посты. И праздники мы праздновали всегда с тетей. Она была очень религиозная. Так что, в общем... Мы всегда Пасху праздновали. И Рождество, и другие праздники. И в церковь ходили мы.

01:13:25

Как-то вам помогало это, да? Справляться со всеми событиями?

Ну тогда просто считалось, что как это так, русские люди вдруг в церковь не стали ходить? Раз русские люди — крещеные, раз крещеные, значит, надо в церковь ходить. Как же так? Я и сейчас в церковь хожу. И ставлю за упокой и за здоровье. И свечи ставлю.

01:13:54

А в Бога сами верите сейчас?

Конечно. Конечно. И как бы я стала праздновать там Пасху и Рождество, если бы я не верила в Бога? Верю. Почему бы мне не верить? Я, наоборот, не понимаю, как это люди не верят. Потому что откуда мы взялись и как мы вообще получились? И вообще почему мы разумные? А не бегаем с языком высунутым.

01:14:33

Но почему же такие несправедливости были допущены?

А?

01:14:37

Почему же такие сильные несправедливости в XX веке были допущены? И репрессии, и война. Что же это такое?

Ну пришли большевики. А большевики считали: всякий человек, который повернет голову в их сторону, он их враг. А потом у них была мания преследования. Они считали, что любой чих самый мало-мальский, какой-то дурацкий анекдот рассказанный — и всё, сразу в тюрьму.

01:15:10

А когда вы маленькая еще были, не думали так, что вот если Бог есть, куда же он смотрит? Почему же...

Боже сохрани, никогда в жизни такой глупости не думала. У меня была очень верующая бабушка, которая по-настоящему нас крестила, которая верила в Бога, которая даже не могла себе представить, как это — не верить в Бога. Бабушка была изумительно хорошая, мы ее обожали, пока она была жива. Бабушка у нас была в первую очередь.

01:15:52

А кто еще из ваших родственников или знакомых помогал вам тогда? На кого вы опирались?

Ну тетя была, тетя. Тетя нас, можно сказать, когда мы жили в Ленинграде, она нам готовила, мы после школы приходили у нее кушать, и она там стирала нам. В общем, мы еще были до войны, мы же еще были маленькие, 12 лет там остались. Она нам помогала, она нас опекала. Это была тетя, родная сестра моего папы.

01:16:31

А помните день, когда объявили о том, что война закончилась?

Ой, конечно, просто он у меня перед глазами стоит. Во-первых, мы всё время, каждый день... Я работала в РОНО, когда я вернулась из эвакуации, я шла по улице, и навстречу мне шла моя учительница русского языка, которую я обожала. Она меня обняла: «Ой, Эля, откуда ты взялась?» В общем, короче говоря, она во время войны потеряла сына. И она меня тут же устроила к себе на работу. Она работала в отделе кадров РОНО, а там были такие места, назывались «дворник запечатанной школы». То есть это были разные люди в разных должностях. Я такой была дворник и работала ее помощником. И мы с ней вместе очень хорошо работали, вызывали мы учителей, которые были в эвакуации, очень хороших учителей в первую очередь, а худших потом. В общем, я всё оформляла, носила это в КГБ, потом получала разрешения приехать и посылала с большим удовольствием эти разрешения заказными письмами. Мы с ней очень хорошо работали. А потом я поступила в институт, в политехнический. И сразу же первой, да, перво-наперво пришла к замдекана, у нас замдекана был очень хороший человек, и сказала, что я поступила на радиофизику и очень хочу устроиться в лабораторию, чтобы получать навыки. Он сказал: «Пожалуйста, пожалуйста, какая молодец». И тут же он меня устроил. И так все годы, которые я училась в институте, я проработала в лаборатории. А потом они захотели меня оставить. А им сказали: «Нет, у нее отец враг народа». И всё. И куда я ни совалась, я же помню, по всяким заводам ездила и всяким там институтам, всюду меня звали, потому что я очень с большим интересом изо всех сил работала.

01:19:25

В школе хорошо учились?

Поэтому — и хорошо училась — поэтому меня всюду звали, а сестренка вообще на одних пятерках училась. Ее тоже звали, никуда не брали, потому что плохая анкета. И она в конце концов поехала в какую-то тьмутаракань, а потом вернулась и как-то устроилась. А я поехала в Мурманск. По-моему, она ко мне в Мурманск приезжала. Я уже сейчас не помню, какая-то путаница была в этих делах.

01:19:57

А что тогда означала плохая анкета?

Сидит отец или расстрелян, или мать там сидит или выслана, 37-я статья, и всё. Потом это мы, когда Сталин умер, мы получили, очень быстро получили, получили сообщение сначала по радио... Нет, по телефону нам позвонили, сказали: «Вот я звоню оттуда, оттуда, значит, вот ваши родители были расстреляны, высланы», и теперь мы получили сообщение, что они реабилитированы за отсутствием состава преступления. Мы стали тоже за отсутствием состава преступления и устроились на работу.

01:21:03

А приходилось вам когда-либо скрывать, что папа репрессирован?

Нет, никогда я не скрывала. Потому что это была равносильно, что пойти и сесть в тюрьму. Я всегда, когда поступала на работу, я писала, что у меня отец выслан без права переписки. Они все прекрасно знали, что без права переписки — это выстрел в спину. Ну и всё. Или они могли меня пристроить как-нибудь, они пристраивали, а если не могли, то говорили: «Нет, нет, вы знаете, вы извините, но мы не можем вас взять».

01:21:45

А кем вы мечтали в детстве стать?

В детстве я мечтала многими стать. Во-первых, я мечтала стать пограничником, потому что папа был пограничник и служил на границе. И он без конца ездил, у него были лошади, и он меня обучал на лошади, я обожала лошадей. Потом я мечтала стать летчиком. Ну это уже

была, конечно, такая мечта довольно несбыточная, поэтому я прекрасно понимала, что ни в какой летний институт меня не возьмут с моей плохой анкетой. И поэтому я пошла, конечно, так как я училась на физмехе, я пришла, у меня был очень хороший замдекана, пришла и сказала: «Николай Николаевич, поскольку я поступила на радиофизику, я очень хочу работать в лаборатории». Он сказал: «Пожалуйста». Вызвал женщину, которая там занималась с практикантами и работала в то же время, пришла, я сказала, что очень хочу работать. Она сказала: «С удовольствием возьму, у меня сейчас работа, которая с Мурманском связана, ты сможешь поехать?» — «Могу». И мы с ней поехали, с сотрудницей, целая куча была походов всяких страшных, когда мы ездили, ходили в море, попадали в жуткие штормы. А ее жутко укачивало, а я ничего не боялась, я, когда были в штормы, только бегала взад-вперед, эти, как их звали... матросы, они меня кормили соленой рыбой, ну и, значит, меня очень хвалили, что я такая смелая и что я никуда не боюсь лазить. И говорили: «Кончишь училище, кончишь институт, приходи к нам работать». Ну я кончила когда институт, я пошла работать в Мурманск, но только не в эту организацию, где вот эти ребята все были, а пошла, меня пригласили физику преподавать, и я там несколько лет преподавала физику, а мне там очень нравилось.

01:24:49

Эльвира Семеновна, давайте прервемся на несколько минут.

Да.

01:24:53

В Казахстане.

А, ну да.

01:24:57

Вот повспоминайте.

Ну господи, там весь Казахстан был набит высланными поляками, русскими и кого угодно.

01:25:12

А с кем вы больше всего дружили, общались там в Казахстане?

С кем работали, в основном. Работали, например, я работала на токарном станке, а со мной параллельно, значит, смена, смена была, директорская, вернее не директора, а главного инженера дочка. Мы с ней подружились, и она мне здорово помогала. Она ко мне очень хорошо относилась и очень здорово помогала. И потом, когда уже у меня было... Значит, я выхлопотала, чтобы разрешение въехать в Питер, то директор сказал, что «и забудьте думать о вашем Питере, потому что вы сами видите, что вы самая старшая работник, токарь, с моей дочкой, поэтому никуда вы не поедете». Ну, я стала ей говорить, она сказала: «Ай, плюнь ты на папу, прекрасно ты уедешь». Только главному инженеру... Мне прислали, нас обокрали здорово, и нам прислали из Ленинграда посылку, там было папино шикарное пальто, и говорит: «Вот папино пальто продайте моему брату». А я его задаром отдала, и он нам всё устроил.

01:27:05

А что он устроил?

Ну, разрешил мне поехать, мне надо было ехать на старое место жительства, в этот самый Чуян окаянный, надо было выписаться. Это было ужасно, потому что у меня было, во-первых, малярия и если я на солнце долго была, то меня начинало знобить. И я приехала в милицию, в Чуян, пришла спросить, чтобы меня выписали, а он начал какие-то свои планы строить, забрал у меня паспорта, сказал: «Посиди там вот под навесом». Идет парень русский, подходит: «А что ты тут делаешь, девочка?» А вот так-то и так-то. Он говорит: «Сиди, никуда не ходи». Через некоторое время приходит, подает мне паспорт: «Немедленно исчезни, так, чтобы сразу идти надо на машину, заплати деньги и уезжай отсюда». Ну и всё, я быстренько-быстренько, раз-раз-раз — и уехала, поехала в Чуян.

01:28:24

А мама вам какой запомнилась?

А?

01:28:28	Ваша мама какой вам запомнилась? Что мама?
01:28:31	Мама какой запомнилась? Какой...
01:28:35	Дайте маме какую-нибудь характеристику, какой у нее был характер, какой она была человек. Какой она была человек? Она происходила из очень знатного рода орловских дворян. Естественно, она училась на пианино играть. Она прекрасно играла на пианино, у нее были изумительные ручки. И когда она приехала в Ленинград и стала работать... Она не работала, папа работал, она дома возилась с примусами и с посудой, со всем, так что приехал какой-то ее знакомый из Орла и долго целовал ей ручки и плакал, какие у нее стали ужасные руки. Ну, в общем...
01:29:38	Мама сильным человеком была? Ну, она не была очень сильным человеком. Она, скорее, была очень порядочным человеком.
01:29:57	У вас были близкие с мамой отношения? Да, были очень близкие отношения. Мама нас очень любила, и мы очень любили маму. Так что для нас было жутким ударом, когда она умерла.
01:30:12	А мама вспоминала про папу, когда вы были в Казахстане? Нет. Нет.
01:30:21	А почему? Ну, боялась, наверное. Кто его знает, кто там кругом. Она начнет говорить про папу, потом ей скажут, что она вела антисоветские разговоры. Тогда всё что угодно можно было получить. Какой-нибудь там стукач сидел. Сказали, что жалко папу, а он сказал: «Ааа!», сейчас побежал, сейчас настучал. Ой, какая была мерзостная жизнь! Это даже страшно вспомнить. Страшно вспомнить! Любой человек мог вас погубить в одну минуту. Пошел написал, что вы рассказывали антисоветские анекдоты, и всё, и вам уготована, уготована тюрьма.
01:31:22	Кто-то рассказывал, что даже если на газете портрет Сталина изображен, и если, например, в эту газету завернули какую-то... Да. Да, да, и это могло быть. Да, да, да, могли что угодно. Если у вас дома какая-нибудь газета была и там Сталин был изображен, а на ней стояла кастрюлька, тут же вас могли посадить.
01:31:53	Были такие знакомые у вас? Нет. У меня просто не было знакомых, которые держали портреты Сталина. Они их сразу уничтожали.
01:32:03	А помнишь, ты рассказывала, какую-то стенгазету делала тети Лены мама, где пушки на Сталина смотрели?

01:32:15

Да.

01:32:16

А расскажите про этот случай.

Я не помню совершенно. Ты мне напомни хоть, что там было?

01:32:23

Ну там была какая-то газета, она... Там был портрет Сталина, и на него направлены пушки. И кто-то пришел смотреть эту стенгазету и жутко ее напугал, что «а у тебя пушки смотрят на Сталина, тебя сейчас...»

01:32:38

Да. А это было, но я уже забыла, потому что я уже не помню, сколько таких случаев всяких было. Да, кто-то кому-то, я кому-то говорила: «Ты с ума сошла, как это так, у тебя пушки смотрят на Сталина?» Вот так Сталин, а так вот пушки едут, там какой-то парад. Но она сразу, по-моему, изменила там.

01:33:07

А к какому празднику это?

Ну, было к какому-то, 7 ноября или что-то в этом роде. Может быть, к концу войны. Я даже не подумала про это, у меня в голове такого не было, что на Сталина можно направить пушки. А тут сразу искатели, у них сразу фантазия сработала прекрасно.

01:33:41

А когда объявили о победе в войне, кто-то эту победу причислял Сталину. Ну и до сих пор многие причисляют, что это его заслуга.

Ну естественно, естественно, каждый человек Сталина вспоминал, это было обязательно, а то иначе почему ты не хвалишь Сталина? Тут же бы было, что тебе чего-то такое не хватает, надо было кричать: «Да здравствует товарищ Сталин, который войну выиграл».

01:34:22

А когда он умер, среди ваших знакомых не было тех, кто плакал, кто пошел на похороны?

Да нет, таких сумасшедших не было. Все радовались несусветно, потому что только и ждали, когда наконец он умер. Потому что уже последнее время невыносимо было жить. Сколько пересажали народу, сколько расстреляли, сколько сослали, это же ужас был! Это вообще была не жизнь. Чихнуть же буквально нельзя было. А вдруг кому-то покажется, что ты против советской власти. И всё. Какой-нибудь стукач был, он выловил какую-то фразу, и всё.

01:35:10

А после XX съезда что для вас лично изменилось?

Ну мне прислали, вызвали меня и сказали, что у меня снято, значит, за отсутствием состава преступления отца меня реабилитируют. Я могу куда хочу устроиться. Но и не очень-то меня брали всё равно, потому что думали: а что произойдет завтра? А завтра скажут, что она опять дочка врага народа.

01:35:50

А для вас что значила эта реабилитация?

Ну что я могу устроиться на работу по специальности. Меня во многие места приглашали. Я потом устроилась, куда хотела, в политех, на кафедру, стала работать, ездить в командировки интересные. Так работала довольно долго, а потом, потом чего произошло... Я уже не помню, почему я ушла или перешла куда.

01:36:32 Перешла в ГОИ.

01:36:33 А, в ГОИ перешла, в ГОИ перешла, потому что это было рядом с домом. Приехал ныне покойный мой приятель политехнический и говорит: «Эля, чего ты так далеко ездишь на работу? Давай с тобой поменяемся квартирами, жилплощадями, ты переедешь в мою и будет рядом с работой. А я перееду в твою и буду рядом с работой». Да мы так поменялись с ним. И я стала на Васильевском острове жить, на второй линии.

01:37:12 **А как вы думаете, почему сейчас в какой-то степени культ Сталина возрождается? Почему так много сейчас сталинистов стало?**

Ну, нужно сказку кому-то. Надо же выдумать кого-то такого, которому нужно поклоняться. Идола. Потому что с идолом легче жить немыслящему человеку, потому что он всё будет ссылаться на этого идола: ага, идол сказал так — хорошо, значит, будет делать так, хорошо. Сказал, что это очень хорошо, если ты слышал, что кто-то рассказывает анекдот антисоветский, значит, ты враг и так тебя последует посадить. И всё.

01:38:05 **А в наше время, как вы думаете, могут повториться вот эти все репрессии?**

Да, могут. Потому что сколько угодно людей боятся. И они согласны будут кого угодно сажать, лишь бы не их.

01:38:24 **А вот как лично на вас репрессии повлияли? На вашу личность, как вы думаете?**

Ну как? А как они могли повлиять? Вот то, что я оценила правильно эту власть, и всё. Потому что если я знала, что все мои знакомые совершенно порядочные люди, и которые, в общем, правильную жизнь ведут, и хорошо работают, и всё, их выгоняли с работы, потому что у них был кто-то, кто попал в эту мясорубку, вроде меня. Это же было всё время всё понятно.

01:39:11 **Эльвира Семеновна, а вот этот вот страх, он у вас сейчас сохранился или нет?**

Нет.

01:39:21 **А в какой момент он начал проходить?**

А у меня никогда особенного страха не было.

01:39:40 **Вы всегда открыто рассказывали о том, что папа был репрессирован, да? Никогда...**

Да.

01:39:47 **Никогда не боялись...**

Нет. Когда я поступала на работу, я всегда говорила. Мне говорили: «А, очень-очень жалко, мы вас не можем взять». А потом стали брать.

01:40:00 **Некоторые скрывали о том, что родители репрессированные. Говорили, что погиб на войне, например, или еще что-то придумывали. Кого-то даже родители, кого-то мама даже учила, так говорила детям: «Ни в коем случае не говори, что папа...»**

Нет. Я не знаю, я никогда ничего не скрывала.

01:40:20 **У вас такого не было, да? Была возможность ознакомиться с материалами дела у вас?**

А я не хотела, потому что никакого там дела не было. Он же сказал, что он выстрелил в спину, и всё. Всё дело было в его выстреле. Он сказал: «Иди, иди вот в эту дверь». Он пошел в эту дверь, и он ему выстрелил сзади в спину. И всё.

01:40:57

А сколько прошло от момента ареста папы до момента того, как его уже не стало?

Не знаю. Я не знаю.

01:41:06

Это был год или это несколько дней?

Не знаю, не знаю. Потому что пока я искала, это было несколько, может, месяцев. Я сейчас не помню. Я помню, что нам летом сообщили, когда его убили, нам сообщили, что он выслан без права переписки. Все люди знали, что это такое. И поэтому мы уже никогда не совали туда нос.

01:41:44

Но, может быть, всё-таки надеялись, что он жив?

Нет.

01:41:47

Не было такого?

Абсолютно. Абсолютно не надеялись. Раз без права переписки, значит, застрелен. И всё. Мы все знали это хорошо. Они не скрывали.

01:42:07

А ваша сестра, она свободно рассказывала о том, что родители репрессированы?

Она никогда ничего свободно никому не рассказывала. Она вообще была молчальница. И никаких у нее разговоров на эту тему не было. Она прекрасно работала. А так как у нее была очень вредная работа, она заболела и умерла. Потому что там были высокочастотные излучения и всякая дребедень в этом самом институте. И она работала на вредных работах. Потом она заболела, у нее было типичное это заболевание, которое связано, типа... я даже не знаю, как его назвать. Как бы отравление. Очень вредно. Это институт, который находится рядом с этими... воротами. С воротами, как они называются?

01:43:24

Московские.

Ну вот, тогда там этот институт был, а она там всё время работала. И это очень вредная работа, и эта болезнь. Потому что когда она умерла, они там писали, есть всякие раки, и потом, когда делали вскрытие, они сказали, никаких раков, ничего нет. А непонятно, от чего она умерла. Мы не поняли, от чего она умерла. А прекрасно они знали, что это вредная работа, которая связана, по-видимому, со всякими ядами. И она на этой работе всё время работала, и эти люди заболевали. Там, наверное, не она одна.

01:44:14

А как сестра переживала арест родителей?

Ну, как вам сказать? Так же, как, наверное, все.

01:44:23

Но кто более стойкий был, вы или она?

Она была молчун. Она никогда ничего никому не откровенничала, не рассказывала, никому никогда ничего не доверяла. Она была молчун. Поэтому даже я и то не знаю, какие у нее там настроения были. Я другое дело. Во-первых, у меня была куча всяких друзей. Кроме того, у меня была куча друзей, у которых были родители репрессированы. Даже в школе, когда в восьмом классе у нас были мои соученики, моего класса, у которых тоже родители были репрессированы. Так что это был, как говорится, самый распространенный образ

существования в Советском Союзе.

01:45:22

А учителя, директор школы как-то по-особенному относились к таким детям или нет?

Жалели их. А в то же время не проявляли особой там заботы, потому что... особого внимания, потому что боялись. Ну, во всяком случае, я знаю, что ко мне очень хорошо относились все. И очень хорошо относились, но никогда не заводили разговор о моих родителях. Вот еще преподавательница литературы, она со мной наедине могла поговорить.

01:46:04

Про что?

Ну, про то, что папы с мамой у меня нет, что как мы проживаем, как мы то да сё. А другая учительница, которая была в эвакуации, она от меня шарахалась, как от какой заразы, потому что она, оказывается, не знала, что у меня родители репрессированы, а она со мной как бы по-дружески обращалась. А потом я смотрю, она стала от меня бегать, а потом я спросила другую эту учительницу, она сказала: «Она боится». Ну и фиг с ней. Боится так боится, я перестала на нее обращать внимание. Тогда, раз боится, чего я буду к ней подходить, пускай себе спокойно живет.

01:47:04

А когда уже свободно стали рассказывать про репрессии?

Всегда рассказывали.

01:47:10

У вас, в вашем окружении всегда?

Да, в моем окружении всегда всё рассказывали. И всегда всё понимали. И всегда понимали роль Сталина. У меня была одна приятельница, с которой мы стояли... А я маму разыскивала... И мы с ней стояли в прокуратуре. И разговорились. Она стояла за мной, или я стояла за ней. Она сказала, что у нее отец заместитель редактора «Известий», что вот его посадили, и она его ищет. А я сказала, что я ищу свою маму. И вот мы так с ней — ее зовут Ира — и так мы с ней познакомились. И я запомнила ее фамилию. А потом прошла война. Потом я поступила в институт. Потом в институте за мной страшно увязался один мальчик. Значит, он за мной всё время охотился. В конце концов, мы с ним поженились, а потом разошлись. И когда я познакомилась с его семьей, оказалось, что эта Ира, она жена старшего брата этого Роберта. И мы с ней встретились и стали вспоминать, как мы стояли в прокуратуре, чтобы узнать судьбу наших родителей. У нее отец был. Не отец, а отчим. Был действительно, там был главный редактор «Известий» или помощник главного редактора. В общем, какие-то там, в общем, с «Известиями», с газетой «Известия» связано.

01:49:12

А что вы почувствовали, когда справку о реабилитации получили?

Радость. Радость, что я уже не дочка врага народа, и что теперь я смогу устроиться на работу, и что теперь меня никто не будет гонять. Очень была рада.

01:49:40

А в каком году вы получили реабилитацию?

А сразу после смерти Сталина. Буквально вот, я даже была удивлена, как они быстро позвонили, там: «Василевские дома?» Там подошла моя сестричка покойная. Она подошла и говорит: «Да, это наша мама». Вот, мол, извиняемся перед вами, что там, то-то-то, то-то-то. Теперь у вас будет реабилитация за отсутствием состава преступления. Ну и хорошо, мы и так знали, что у нашей мамы никакого преступления нет. Она никогда не говорила ничего лишнего и вообще держала язык за зубами. Поэтому она ничего никому не сказала. Просто ее арестовали, потому что папу арестовали. Папу расстреляли, а ее, славу богу, не расстреляли.

01:50:44

А можно было бы как-то папе избежать этого ареста? Репрессии?

Нет, абсолютно.

01:50:51

Невозможно было куда-то уехать? Как-то...

Нет, без... Без... Если бы он уволился, его тут же бы опять. Если бы он, вот когда он работал на заводе «Двигатель», если бы он оттуда уволился, в тот же день его бы расстреляли.

01:51:10

Фамилию поменять тоже тогда было не...

Боже сохрани, а это еще хуже. Это еще хуже.

01:51:17

А вы никогда не меняли имя, фамилию, ничего?

Нет, никогда. Мне даже такого в голову не приходило. Даже в самые плохие времена мне даже в голову это не проходило. И даже когда ко мне сейчас вот приставали, что полячка или не полячка, я говорила, что у меня фамилия Василевская появилась от того, что существует город Себеж и, когда там меняли фамилии, вот там нам это все наменяли. И поэтому у нас просто такая фамилия получилась из-за того, что нам неправильно поменяли фамилию.

01:52:03

А как вы к Путину относитесь?

Да как, безразлично. Безразлично, потому что я сужу людей по делам, пока что я никаких дел не вижу. Когда я получаю пенсию, на которую я не могу заплатить за квартиру, и Ксенька вынуждена работать после того, как она 390 детей выпустила в школу, причем в хорошем виде, и она должна для того, чтобы нам оплатить стоимость квартиры, стоимость проживания в этой коммуналке, вот эти комнаты несчастные, она должна работать сейчас уборщицей, а я ей помогаю. Вот и всё. Я считаю, до тех пор пока пенсию... Как могут в наше время, когда у людей такие страшные лупят за эти свет, за газ и за квартиру деньги, как можно говорить о какой-то пенсии? У меня все пенсионеры, все работают. Причем все, которые были высококлассными специалистами, работают уборщицами.

01:53:42

Вы до 92 лет работали, да?

Да, я работала до тех пор, пока не ослепла, потому что они за меня держались как не знаю за что.

01:53:53

А какая последняя должность у вас была?

Ну у меня такая должность была, как бы научный сотрудник или что-то в этом роде. Ну, в общем, платили мне прилично. Потом я вела, пока там академик был жив, то мы вместе работали еще с его женой, она сейчас тоже очень больна. И такую тематику, когда мы без конца разъезжали по конференциям, я делала свою часть работы, и он очень меня ценил. Я печатала бог знает сколько статей.

01:54:35

Да, я видела в интернете.

А потом я ослепла. Ночью проснулась, посмотрела — очень плохо вижу. Посмотрела книжку — читать не могу. И мне пришлось сразу заявить, что я ухожу.

01:54:49

Это что враз, прям в один раз ослепли?

Враз, да, в эту ночь. Я позвонила своей редакторше, которой я отдавала статьи на эту тему, по отоплению, и говорю: «Ой, знаете... — как ее... Наталья Васильевна, Наталья Владимировна, — нам потом придется как-нибудь соединиться, я вам буду надиктовывать, а вы будете печатать». Она говорит: «Я ослепла». И я ослепла. Я говорю: «И я ослепла. Ну вот теперь что мы будем делать?» А теперь пока мы ничего не будем делать, пока мы не найдем, кто как бы, как бы мы... У меня большой материал, который я могу продиктовать, а человека, который бы взялся за редактирование, помещение в журнал или в газету, нету сейчас, все пропали, кто умер, кто болен, кто не работает, все пропали. У меня была куча статей. И сейчас у меня остался анализ

отопления, у нас неправильное совершенно отопление. Я уже получила газету... Не газету, журнал за девяносто, по-моему, какой-то год, и в этой газете была такая вот такая сносочка, которую я использовала для того, чтобы, так сказать, подтвердить свою точку зрения на безобразное отопление и на безобразный совершенно расчет этого отопления. Всё сделано... Ну как вам сказать, ну трудно сказать, что до идиотизма. Вот до идиотизма это всё доведено, и это обдираловка, потому что надо было установить квадратный метр, сколько вот этот квадратный метр потребляет. И, значит, вы получаете вот такое-то количество тепла, и за это количество тепла вы платите по государственным расчетам, а вовсе никаких там... Сидят там, вор на воре воров погоняет. А теперь я не знаю, за что я плачу, потому что я не знаю, должно быть мне прийти, у меня такой-то квадратный метр, такое-то... окно, в общем, всё это должно быть, оно должно идти как государственные стандарты. И вот эти государственные стандарты должны при определенной сумме, и мне тогда эту сумму должны дать, чтобы я платила. А сейчас это обдираловка, которую как хотят, так и делают. С этой обдираловкой бороться, по-моему, невозможно.

01:58:11

Кто на этой фотографии?

Мама. Маргарита Афанасьевна, в девичестве Дементьева. Она происходит из семьи таких дворян Дементьевых. Она кончила училище музыкальное, и она играла на пианино.

01:58:52

Спасибо! Давайте следующую фотографию.

А это мы. Старшая я, а младше моя сестричка Светлана. Которой уже нет.

01:59:16

А в каком году эта фотография была сделана?

Мы приехали из Пскова в Питер, поселились на третьей линии.

01:59:28

На Кировной.

01:59:29

А?

01:59:30

На Кировной.

01:59:32

На Кировной, на Кировной поселились, Кировная улица, дом 3, квартира 24. В это время мы так выглядели. У нас была фотография на Литейном. И как только мама смогла, свела нас и зафотографировала. Мне пять лет, а этой девочке, моей Светочке, три года.

02:00:12

Спасибо! Следующую фотографию.

Лучше покрупнее.

02:00:23

Ну, запишем всё. А там посмотрим, что мы выберем.

Это я.

02:00:34

Сколько вам лет тут?

А это, наверное, сколько? Наверное, 13 или что-нибудь в этом роде. А вот здесь написано.

02:00:47

1933 год.

1933 год. Это, значит, какой класс? Пятый, наверное, да? Ксения. В 1933 году?

02:00:59

Двадцать пятый... Десять... Восемь где-то лет.

02:01:06

А, это первый класс. Вот, по-моему, вот эта форма первый год была. Вот это.

02:01:16

А где вы пошли в школу, в первый класс?

А в первый класс я пошла в 32-ю школу Дзержинского района. Это вот «Спартак», с правой стороны это 32-я школа. Нас туда определили, а потом перевели в 189-ю. Мы проучились второй и третий класс, потом нас перевели в 4-ю, которая упирается в Восстания. Оттуда мы эвакуировались, когда началась война, нас повели прямо навстречу немцам. Прямо вот так. И потом мы драпали вот так, деревни горели, и нас везли на автобусах с сумасшедшей скоростью. Привезли в этот самый... Как его называется-то? Тьфу, вылетело с головы. Валдай. Привезли до Валдая, посадили в теплушки и повезли в Кировскую область. И там привезли в деревню, и мы там целый год в деревне учились, а потом нас перевели в девятый класс, в Новотроицкое. А мы с сестричкой уехали к маме.

02:02:42

А вот на этой фотографии кто?

А на этой фотографии я, когда мне, по-моему... Там написано сколько.

02:02:52

Сейчас, секунду. «Мне уже два года и пять месяцев».

Вот, два года и пять месяцев. Туда можно положить, где она лежала. А, вы хотели сфотографировать? Давайте...

02:03:12

Давайте вот эту вот. Про эту расскажите.

А это... Это я и моя сестричка Света. Мне здесь, наверное, вот это пять, а ей, наверное, три. Она была настоящий ангел. У нее были голубые глаза и золотистые вьющиеся волосы. И вообще она была настоящий ангел. Была совершенно... Можно было... Давали какие-нибудь там яблоки. А я говорила: «А-а-а, а Светке больше». Она: «Элечка, возьми мое яблочко». Такой ребенок была, дивный совершенно.

02:04:09

Здесь два года.

А, ну да, это из Пскова.

02:04:15

А можете еще рассказать, кто на этой фотографии и сколько лет?

Это я. Это, наверное, три года. Здесь ничего не написано, но я думаю, что это три года мне.

02:04:30

Покажите нам вот эту фотографию, разверните, мы ее снимем.

Я еще любила что-то изображать. Тут сидит с открытым ртом, по-моему? По-моему, всегда все

смеялись над этой фотографией.

02:04:49

Они посылали маме...

02:04:50

Держи.

02:04:52

В ссылку. А это вот начало войны.

02:04:56

А вы можете вот так...

02:04:57

А?

02:04:58

Вот так держать. Прямо перед...

02:05:00

Вот так держи.

02:05:03

Какую?

02:05:04

Сейчас тебе дадут. Это 1938 год.

02:05:09

Перед собой, да.

02:05:11

За краешек.

02:05:12

Чуть пониже.

02:05:24

Кто там?

02:05:25

Кто там изображен, на этой фотографии?

А это... Я, а это Светочка. Вот, это, значит, 1937 год.

02:05:38

	1938-й.
02:05:39	1938-й.
02:05:40	Можете еще раз показать, где вы, а где Света? Вот это я, а это Света. У нее такие чудные волосы были. В отличие от меня, которая была белобрысая и лысая.
02:06:06	А когда была сделана эта фотография? А вот тут, наверное, написано.
02:06:13	1938-й. 1938 год.
02:06:18	Ксения говорит, что эту фотографию вы посылали маме. Да, эту маме в Казахстан, наверное, посылали.
02:06:26	Можете еще раз об этом сказать, что «вот эту фотографию мы посылали...» А вот здесь написано?
02:06:34	Да.
02:06:36	«Я здесь совсем не похожа на себя ничуть, потому что снялась боком. И хотела улыбнуться, а вышло, как будто губы развела. Целую крепко, горячий летчик. На память мамусечке от Наны и Эли. 1938 год». Так что, всё? Так эту вы всё?
02:07:01	Нет, нет, можете еще раз... Повтори еще раз, что эту фотографию посылали в Казахстан.
02:07:10	Маме в Казахстан.
02:07:13	Можете еще раз полным ответом рассказать про эту фотографию? Еще раз расскажи, что эту фотографию... Полностью расскажи.
02:07:21	Мы эту фотографию снимали маме. Что тут написано?

- 02:07:27 Мам, повтори просто.
- 02:07:29 Я не помню.
- 02:07:30 **«На память мамусечке» — написано.**
Ну вот маме... Мы специально снимали для мамы. И посылали в Казахстан эту фотографию. А что там еще мы ей при этом? Что там написано?
- 02:07:49 «На память мамусечке».
- 02:07:51 **Да. Мы сняли эту?**
Ну это маме просто посылали.
- 02:07:57 Это военное. Начало войны.
- 02:08:00 **А здесь уже девочки большие. А это родители, да?**
Да.
- 02:08:09 Вот это папа с мамой молодые.
- 02:08:21 **Можете еще раз рассказать, что это папа, это мама — и как родителей звали?**
Папу звали Семен Феопемптович. Или он переименовал, чтобы это не трудно было, говорил Федорович. Мама Маргарита Афанасьевна. Вот папа, вот был из семьи Себежан, Себежанского уезда. Русских. Они были крестьяне. И потом уже в последние годы папа, по-моему, дедушка уже занимался, по-моему, где-то лошадьми он занимался. В общем, не знаю толком. А бабушка, соответственно, не работала, а занималась домашним хозяйством.
- 02:09:23 **Спасибо.**
Там что-нибудь написано?
- 02:09:30 **«1919 год, дорогим папе и мамочке от любящих...»**
Риты и Сени.
- 02:09:39 **Рита и Сеня. Такой почерк интересный. Так, вот такую мы снимали, нет?**
Такую — нет.
- 02:09:52 А это моя мама. Это моя мама, по-моему, до брака. Дочка орловских жителей. Это она кончала

училище музыкальное, по роялю, играла на рояле хорошо. А потом, когда вышла замуж и приехал ее знакомый орловский и увидел ее руки, он плакал над этими руками.

02:10:45

А где здесь папа? В центре?

В центре, вот.

02:10:49

Здесь папа в центре.

А, это папа с сослуживцами. Это погрануправление Псковской области. Псковской области, по моему. Ну, это, в общем, погрануправление.

02:11:07

А где там папа на этой фотографии?

Вот. Вот, посередине.

02:11:18

А как долго до ареста была сделана эта фотография?

Ой, да задолго. Это еще Псков. Потом его перевели в Санкт-Петербург, в Ленинград. А это в 1937 году только его арестовали. Когда был всеобщий арест. И когда, тем более, что фамилия польская.

02:11:45

А какой год примерно вот на этой фотографии, где папа в погранвойсках?

Я не помню.

02:11:51

Ну, примерно хотя бы.

Даже не знаю. Когда... Сейчас я попробую подумать, когда он был. Это я еще маленькая была. Мне, наверное, лет пять было или больше.

02:12:11

Нет, нет, раньше. Это там, может быть, с 1920-го по 1925-й.

02:12:22

Вот это тоже папа. Это уже где-то... А, это он когда учился. Он же кончил... Учили... как оно называется, техникум. По этому... Ну, Ксения, ну как это?

02:12:44

Экономическое.

02:12:45

Вот. Экономическое.

02:12:48

Давайте вот так покажем на камеру эту фотографию.

Это было, был и он и сейчас существует, «Двигатель». Он кончил этот планово-экономический техникум и стал работать начальником отдела, как он назывался...

02:13:07	Планово-экономический отдел.
02:13:09	Планово-экономический отдел. Всё? И потом в этой должности его расстреляли. А это бабушка, ее старшая дочка...
02:13:36	Это бабушка со всеми своими дочерьми.
02:13:38	Это да, бабушка, моя бабушка родная, со всеми своими детьми. Тут папы нету.
02:13:46	Это бабушка по линии папы, да? А? По линии папы, да.
02:13:52	Как звали бабушку? Анна Васильевна. Она была дочерью торговца хлебом. Не хлебом, а зерном. Торговец был, очень был, очень, очень человек он такой богатый, а его дядя проиграл в карты его имение. И поэтому вместо того, за кого он хотел выйти, этот дядя должен был выйти за богатую женщину. И она за него и пошла. А, это мой первый класс. Первый класс интересен тем, что здесь полное разнообразное, иностранное и не иностранное. Немец, вот здесь немец сидит, англичанка, потом где-то какая-то армянка, грек. Это 32-я школа, которая находится в том же дворце, где 190-я, которая сейчас математическая, теперь их, по-моему, объединили, и кинотеатр «Спартак». Это меня взяли в первый класс. И вот это мой первый, совершенно потрясающий по своему национальному составу первый класс. Тут немец, англичанка, грузинки, какие-то еще. В общем, национальностей всех возможных. Это такой был первый класс.
02:16:06	А поляки были? Поляки, может быть, были. Я не помню, поляки меня никогда... в то время не интересовали. У меня была приятельница, вот эта девочка, где-то вот здесь, гречанка.
02:16:25	А где вы на этой фотографии? Вот тоже где-то здесь. Такой бант с одной стороны. Видно?
02:16:34	Верхний ряд.
02:16:35	В верхнем ряду стою. Белобрысая и со съехавшим на бок бантом. Красный большой бант был. Нашли?
02:16:54	Да, нашли. Ну, чудно. Это там я, и потом там рядом, по-моему, одна грузинка, одна немка. Или немка внизу. Так, это папа, это папа, и это папа. Это всё папа молодой. Ой. Это папа молодой. Ой. Чего это он падает? Ой, тут порвалось. Вот сюда засуньте как-нибудь вот эту вот фотографию.

- 02:18:11 **Можете еще раз сказать фамилию, имя, отчество папы и в каком году он родился?**
Он родился в 1892 году. В городе Себеже. И что еще?
- 02:18:32 **И как папу звали?**
А?
- 02:18:35 **Как звали папу?**
Феопемпт.
- 02:18:38
Нет. Семен Феопемптович.
- 02:18:41
А?
- 02:18:42
Семен.
- 02:18:44
Папу звали Семен Феопемптович, а дедушку звали Феопемпт Моисеевич. Он был крепостной одной польской помещицы. Она его очень любила, и она придумала ему это имя Феопемпт. Где-то вычитала в каких-то этих самых... как они называли, календари. И поставила условие, что родители назовут его Феопемпт, и тогда она будет крестная. Вот так и получилось, что он был всю жизнь Феопемпт. А папа был Семен Феопемптович. А он потом переделал свое отчество и всем говорил Семен Федорович. Потому что все ломали язык на этом Феопемпте. Всё? А это моя молодая мама. Это Орел еще. У нее были богатые, знатные родители. Она занималась в музыкальной школе, кончила музыкальную школу. Потом поехала из Орла куда-то в гости. Там встретила моего папу, который в нее влюбился и с которым они поженились. И потом, когда в Петербурге к маме приехал ее бывший поклонник, он ей целовал руки и плакал над этими руками, какие у нее были, какие у нее стали.
- 02:21:00 **Есть? Ага, спасибо. Теперь следующую. 22 июня 1941 года.**
Начало войны.
- 02:21:16 **Это начало войны.**
А, это начало войны.
- 02:21:25 **Где вы, а где сестренка тут?**
А?
- 02:21:28 **Покажите, где вы здесь, а где сестренка?**
Тут совершенно ясно видно, что вот это сестренка такая красивенькая, хорошенькая. И я — мужик.

02:21:42	А помните, при каких обстоятельствах эта фотография была сделана? Это, наверное, начало войны. Когда она уезжала в эвакуацию. Наверное, мы сходили с ней сфотографировались. Потом я поехала в эвакуацию со своей школой, ее нашла, привела, и так потом мы с ней не расставались всё время, пока не вернулись в Ленинград. Она была очень хорошенькая, у нее были золотистые курчавые волосы, золотистые курчавые волосы, голубые глаза. Вот уже смотрели такую фотографию.
02:22:43	Можно еще раз, мы ее снимем? Это 1951 год, там на обороте написано? Да. Значит, это когда началась война, наверное.
02:22:52	Нет, 1951-й.
02:22:53	А, 1951-й. 1951-й. А где это? Не написано, где это снималось? А, это мы, наверное, перед отъездом из Ленинграда. Нет, мы в разное время. Я ее нашла уже в эвакуации.
02:23:14	Мама, это послевоенная.
02:23:15	А, послевоенная, значит, послевоенная. Значит, послевоенная.
02:23:43	Здесь у нас документы, которые мы сфотографируем. Для себя фотографируем, а вот эти фотографии... А это очень хорошо сделаны. Вы, наверное, все эти фотографии сфотографировали. Это Ксения сделала такие...
02:23:55	Только такой не было.
02:23:57	Такие прекрасные наборы.
02:24:00	Дедушка Феопемпт.
02:24:02	Это Ксения сделала.
02:24:05	Здорово, да. Ты обратно повесь туда, где они висели.
02:24:10	Повешу-повешу.

- 02:24:11 **Да, мы их уже снимали. Кроме вот этой фотографии. А можем мы ее вытащить и вот эту единственную еще раз снять? И еще раз можете сказать, кто на этой фотографии?**
- А?
- 02:24:26 **Еще раз повторите, пожалуйста.**
- Повторить?
- 02:24:29 Да. Кто на этой фотографии?
- 02:24:30 Кто на этой фотографии? Это наш дедушка Феопемпт Моисеевич и бабушка Анна Васильевна.
- 02:24:49 **Спасибо.**
- Это 1938 год, Южный Казахстан.
- 02:24:55 **А в каком году мама умерла?**
- Наверное, где-то... между 1942-м и 1943-м. Ты не помнишь, мама?
- 02:25:07 Ну что, что-то правильно ты говоришь.
- 02:25:09 **Получается, это последняя фотография.**
- Ну это последняя фотография.
- 02:25:15 Да, это последняя фотография, когда мы были в Казахстане.
- 02:25:23 Вы не были. Это 1938 год. Это она только приехала в Казахстан.
- 02:25:35 **Пишем? Кто изображен на этой фотографии? Еще раз скажите, пожалуйста.**
- Это мама в ссылке. Такой у нее вид стал. Красавица мама. С изумительными руками. С дивными лицом. Там весь Орел был в нее влюблен. Она играла на рояле, выступала. А потом ее жизнь поломала.